

УДК 338:001.895 (4/8)
DOI: 10.17223/2312461X/14/6

«МЕСТНЫЕ» И «ПРИЕЗЖИЕ» НА ЯМАЛЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ВАРИАТИВНОСТЬ МИГРАЦИОННОГО ОПЫТА*

Дмитрий Анатольевич Опарин

Аннотация. Западная Сибирь, как и вся Арктика, в послевоенное время стала местом притяжения мигрантов из европейской части страны, национальных республик и южных регионов Сибири. В отличие от других сибирских регионов, нефтегазовый Север до сих пор продолжает оставаться миграционным магнитом всего постсоветского пространства. Представлены результаты исследования современной социокультурной среды села Яр-Сале, административного центра Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа. В фокусе исследования находятся миграционный опыт «новых» приезжих, а также их взаимоотношения с коренным населением. Отдельное внимание в статье уделяется таким понятиям, как «местный» / «приезжий», «свой» / «чужой». Автор предполагает, что границы между этими категориями являются гибкими, и приезжий может стать местным, а свой – чужим, и далеко не всегда этническая принадлежность и длительность пребывания в регионе оказываются при этом решающими факторами.

Ключевые слова: миграция, Ямало-Ненецкий автономный округ, ненцы, ислам на Севере, мигранты, ксенофобия, межэтнические взаимоотношения

В постсоветский период произошли существенные демографические изменения в Российской Арктике, вызванные в значительной степени миграцией. Если на Дальнем Востоке наблюдалась и до сих пор наблюдается масштабная миграционная убыль населения (Heleniak, Holzlehner, Khlinovskaya 2011)¹, то в нефтегазовых регионах Западной Сибири (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), напротив, численность приезжего населения растет. Население Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) выросло с 481 398 чел. в 1989 г. до 534 104 в 2016 г. Доля коренного населения на 2010 г. составила 7,9% (Российская Арктика... 2016: 52). Численность русских увеличилась с 292 808 чел. в 1989 г. до 312 019 в 2010 г.

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта ««Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», поддержанного Российским научным фондом (РНФ, грант № 15-18-00112).

Западная Сибирь, как и вся Арктика, в послевоенное время стала местом притяжения мигрантов из европейской части страны, национальных республик и южных регионов Сибири. В отличие от других сибирских регионов, нефтегазовый Север до сих пор продолжает оставаться миграционным магнитом всего постсоветского пространства. С Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами в стране за мигрантов могут соревноваться разве что Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский край и Белгородская область (Зайончковская, Мкртчян 2009: 26). Помимо представителей восточнославянских народов, в послевоенное время на Ямал ехали специалисты нефтегазовой отрасли из Азербайджанской ССР, Дагестана, Татарстана и Башкирии. Численность татарского населения увеличивалась также за счет мигрантов из Тюменского и Тобольского регионов. В 1990–2000-е гг. началась многочисленная миграция представителей народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Несмотря на то что эта миграция имеет преимущественно сезонный характер, численность постоянного среднеазиатского и кавказского населения росла и продолжает расти. Согласно данным правительства ЯНАО, численность представителей народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии в совокупности составляла на 2010 г. около 35 тыс. чел., или 7% населения автономного округа. В целом представительство данной группы, по переписным данным, выросло в 1,4 раза (с 25 тыс. чел. в 2002 г.).

Моя полевая работа проходила в октябре–ноябре 2016 г. в Ямало-Ненецком автономном округе. Основную часть времени я провел в административном центре Ямальского района, селе Яр-Сале, также вел исследование в соседнем селе Сюнай-Сале, в столице округа Салехарде и административном центре Приуральского района Аксарке, находящемся в 55 километрах от Салехарда. В данной работе упоминаются данные, собранные также в ходе предшествующих полевых исследований – в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа (декабрь 2015 г.), среди мигрантов-мусульман в Москве (2013–2016) и на Чукотке (2011–2012).

Данная работа посвящена исследованию современной социокультурной среды села Яр-Сале – административного центра Ямальского района ЯНАО. В фокусе исследования находится миграционный опыт «новых» приезжих, в первую очередь, киргизов, калмыков, карачаевцев и ногайцев – этнических групп, являющихся самыми многочисленными из числа недавних мигрантов. Особенное внимание уделяется вопросам взаимоотношений между ненцами и «новыми» мигрантами. На первый взгляд, аборигенное население и недавно приехавшие рабочие и специалисты живут в параллельных пространствах и не имеют точек соприкосновения. Однако за последнее время появилось множество ненецко-

киргзских (в меньшей степени ненецко-таджикских, ненецко-узбекских, ненецко-калмыцких) пар, заключаются официальные браки, происходят конфликты между «местными» и «приезжими», завязываются дружеские отношения. Изменяются повседневные практики местного населения, вследствие миграции трансформируется социокультурная среда села, миграция оказывает влияние и на повседневность тундровых ненцев, эпизодично появляющихся в поселке. На окружном уровне формируется новая региональная идентичность, проявляющаяся в официальном позиционировании Ямала как многонациональной территории. Мусульманское присутствие в городах маркировано мечетями, халяльными магазинами, похоронным сервисом, кладбищем. В Яр-Сале мусульмане проводят пятничные молитвы в доме культуры, заметными событиями для села последних лет становятся Курбан-байрам и Ураза-байрам. В округе несколько ненцев приняли ислам, что является редким исключением и воспринимается мусульманами и аборигенными жителями по-разному, но всеми как особенное явление. Отдельное внимание в статье уделяется таким понятиям, как «местный» / «приезжий», «свой» / «чужой». Я предполагаю, что эти границы являются гибкими, и приезжий может стать местным, а свой – чужим, и далеко не всегда этническая принадлежность и длительность пребывания в регионе оказываются решающими факторами.

Взросшая кавказская и среднеазиатская миграция на Ямал – следствие активного нефтегазового освоения региона, неотъемлемая часть современной жизни, явление, в той или иной степени трансформирующее повседневные практики аборигенного населения, меняющее городское и сельское пространства округа. Проблема взаимодействия коренного населения Сибири с «новыми» мигрантами не исследовалась ни зарубежными, ни российскими антропологами. Отдельные работы посвящены проблеме адаптации мигрантов в арктических городах (Ярлыкапов 2008; Змеева, Разумова 2014). Миграционная динамика последних лет становилась второстепенным сюжетом в работах, посвященных промышленному освоению Севера и коренным народам (Головнёв и др. 2014; Российская Арктика... 2016).

Эта статья является скорее предварительным анализом результатов недавней полевой работы, чем полномасштабным исследованием. Я надеюсь поставить вопросы и выявить отдельные, на мой взгляд, важные сюжеты и антропологические линии, которые могут стать вектором для последующих академических исследований.

Вариативность миграционного опыта

Около 74% населения Ямальского района, административным центром которого является село Яр-Сале, причислено к категории корен-

ных малочисленных народов (Доклад 2016). Ямальский район – самый аборигенный в ЯНАО, здесь сосредоточено 44% кочевого населения округа (Головнев 2014: 17). ЯНАО – единственный арктический регион России, где у коренного населения в полном объеме сохранилось бытовое кочевание, а поголовье домашних оленей после распада СССР не только не снизилось, но неуклонно растет (Лярская 2016: 54). Ямальский район занимает лидирующие позиции в округе по численности поголовья оленей. По данным на 01.01.2016 г., количество оленей составило 254,02 тыс. голов – 35% от общего количества оленей ЯНАО, около 33% жителей Ямальского района заняты в оленеводстве и ведут кочевой образ жизни (Доклад 2016). Устойчивость традиционного природопользования является гарантом сохранения языка и уникальной кочевой культуры. Вместе с тем в ЯНАО сосредоточено 22% мировых разведанных запасов газа, на долю округа приходится 85% добычи природного газа в России (Головнев 2014: 12). Добыча полезных ископаемых по Ямальскому району составляет 11,2% от общего объема добычи по ЯНАО (Доклад 2016).

Массовая миграция в ЯНАО и, в частности, в Ямальский район является следствием активного промышленного освоения региона. Если до распада Советского Союза основными этническими группами села Яр-Сале были представители коренных народов, русские, украинцы и сибирские татары, то с 1990-х гг. национальный ландшафт поселка начал заметно меняться. Следует отметить, что в данном случае речь идет не о вахтовиках, работающих на газовых месторождениях и практически не пересекающихся с местным населением. Новые жители Яр-Сале приезжали и приезжают в поселок торговать, строить, заниматься мелким бизнесом, работать в больнице, школе, администрации и в других поселковых учреждениях. Следствием добычи природных ресурсов на Ямале стал строительный бум – в Яр-Сале за последние 16 лет был практически полностью обновлен весь жилой фонд, турецкими рабочими построена новая школа, новые здания интерната. Тем не менее на Ямале сохраняется острая жилищная проблема: многие годами стоят в очереди на квартиру, в некоторых селах люди до сих пор вынуждены жить в чумах (Российская Арктика... 2016: 120). Массовая миграция началась в 1990-е годы и интенсифицировалась за последние 16 лет.

Северный Кавказ. Одними из первых в Яр-Сале приехали представители одной карачаевской семьи. Они начали торговать одеждой, обувью, игрушками, бытовыми предметами. До середины 2000-х гг. вся непродовольственная торговля шла на улице. Впоследствии торговцы переместились на вещевой рынок, располагавшийся в неотапливаемом ангаре, и лишь относительно недавно в селе появились магазины на первых этажах новых домов и в отдельных строениях, оснащенных центральным отоплением.

Таблица 1

**Национальный состав административного центра Яр-Сале,
ярсалинской тундры и соседнего села Сюнай-Сале, чел.**

Этническая группа	Год							
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Коренные народы Севера	4 376	4 494	4 841	4 681	5 116	4 964	5 142	5 325
Ненцы	4 270	4 389	4 725	4 574	5 000	4 849	5 024	5 206
Ханты	40	37	46	42	45	46	45	46
Коми	36	38	38	37	40	42	43	42
Манси	23	24	25	21	24	21	24	25
Русские	1 218	1 310	1 445	1 381	1 554	1 500	1 586	1 637
Татары	245	255	279	263	281	260	274	280
Украинцы	162	160	166	161	166	157	161	157
Калмыки	41	51	60	58	79	78	91	82
Марийцы	37	39	43	44	51	54	54	53
Белорусы	20	21	21	18	20	19	18	18
Башкиры	16	20	21	16	16	13	18	18
Молдаване	12	9	12	13	14	13	14	16
Кавказ	41	50	79	89	116	110	128	128
Карачаевцы	13	14	26	23	31	27	36	38
Ногайцы	16	19	22	31	41	36	41	37
Осетины	3	4	8	6	11	11	12	13
Армяне	3	2	4	5	8	10	10	10
Средняя Азия	42	42	67	74	99	108	129	130
Киргизы	20	25	48	55	80	87	108	102
Казахи	12	13	14	13	13	14	14	19
Узбеки	8	2	3	4	4	4	4	5
Таджики	2	2	2	2	2	2	2	2
Общая численность	6 243	6 487	7 070	6 833	7 550	7 311	7 643	7 881

Примечания. Данные предоставлены сельсоветом Яр-Сале на 01.01.2016 г. Указаны наиболее многочисленные этнические группы. Следует отметить, что Сюнай-Сале практически полностью мононациональное ненецкое село, в тундре также кочуют только ненецкие семьи. Таким образом, ненецкое население, указанное в таблице, проживает только в Яр-Сале. К коренным народам Севера здесь отнесены не только коренные народы региона (ненцы, ханты, селькупы, манси и коми), но также и проживающие в Яр-Сале буряты, вепсы, коряки, нанайцы, чуванцы, эвены. К народам Кавказа отнесены не только самые многочисленные этнические группы в Яр-Сале (карачаевцы, ногайцы, осетины и армяне), но и представители малочисленных диаспор, которые также проживают в селе, – азербайджанцы, грузины, абазинцы, балкарцы, кумыки, таты, черкесы. К народам Средней Азии, помимо указанных таджиков, узбеков, казахов и киргизов, относятся также и уйгуры, которых в Яр-Сале на 2016 г. проживало всего два человека.

Карачаевские женщины торгуют не только купленными товарами, но и сами шьют носки, шарфы, хомуты. Карачаевцы регулярно ездят на вещевые рынки в Москву. Чаще всего едут сразу несколько женщин, к ним иногда примыкают армяне и киргизы, также торгующие в Яр-Сале.

«Каждый месяц за товаром в Москву ездим. Сейчас праздники начнутся, люди подарки буду дарить, надо закупиться. Лучшие самим

ездить, мы берем все – начиная от иголки, заканчивая курткой. Поэтому нам надо самим ходить по базам и выбирать» (Ж., 1970-е г.р., карачаевка, на Ямале с 1991 г.).

Сейчас карачаевцы и ногайцы составляют две самые многочисленные кавказские этнические группы села. Миграция коренных народов Карачаево-Черкесии (карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы) в Западную Сибирь, и в первую очередь в ЯНАО и ХМАО, стала заметным явлением, оказавшим существенное социальное влияние как на саму северокавказскую республику, так и на северный регион (Ярылкапов 2008).

Следует отметить, что для народов Северного Кавказа характерна семейная миграция – в поселке немало карачаевских и ногайских детей и даже людей пожилого возраста. Многие кавказские семьи, живущие в Яр-Сале, связаны родственными узами и дружескими отношениями, установившимися еще на Кавказе.

«Жене моей было 16 лет, мне было 21. Я ее украл в Карачаево-Черкесии, когда она с родителями отсюда приехала на лето. Мы поженились, год прожили там, потом приехали сюда в 2008 году. Ее родители здесь с 2003 года жили, торговлей занимались. Тесть был авторитетным человеком, его все здесь знали. Девять лет я уже Яр-Сале. У нас тут был свой бизнес, открыли кафешку, я стройкой занимался, а жена пекла хлеб, пиццу» (М., 1986 г.р., карачаевец, на Ямале с 2008 г.).

В отличие от большинства выходцев из Средней Азии, северокавказские семьи нацелены на долгосрочное пребывание на Ямале. Они получают квартиры, открывают магазины и кафе. Многие начинают считать Ямал своим домом.

«Я домой ездила летом. Через два месяца я уже не могла, меня трясло, я хотела обратно – в Яр-Сале. Меня сюда так тянуло, как будто я здесь родилась и всю жизнь здесь прожила» (Ж., 1980-е г.р., карачаевка, на Ямале с 2006 г.).

Одной из характерных черт северокавказской диаспоры в Яр-Сале являются ее сплоченность и обособленность. Круг общения, даже тех, кто живет в поселке уже более десяти лет, ограничивается земляками. В отличие от киргизов или таджиков, представители северокавказских народов никогда не женятся на местных, а заключают браки среди своих. В течение недели, предшествующей Форуму дружбы народов, организованному ко Дню народного единства, я регулярно посещал репетиции кавказской диаспоры. Они готовили песню о Северном Кавказе на русском языке и лезгинку. На репетиции приходили не только подростки, участвующие в концерте, но их родственники – матери, тети, бабушки, мужчины, маленькие дети. Все собирались в танцевальном классе дома культуры или в актовом зале школы, обменивались новостями, поддерживали репетирующих, хлопали и кричали, создавая бодрый антураж, необходимый при исполнении лезгинки.

Киргизы. Киргизская община Яр-Сале – самая многочисленная из диаспор, появившихся в поселке в постсоветский период. Если в 2009 г. киргизов в селе насчитывалось 20 чел., то через семь лет численность постоянно проживающих в Яр-Сале киргизов увеличилась до 102 чел. С 2015 г. Киргизия является членом Таможенного союза, и трудовым мигрантам не надо покупать патент, что приравнивает их в трудовых правах с россиянами. Немалая часть киргизов, проживающих в Яр-Сале, имеет российское гражданство.

По словам лидера киргизской общины Яр-Сале, в поселке проживают около 25 киргизских семей – они приехали в Яр-Сале в среднем около десяти лет назад, живут в отдельных съемных квартирах, работают в сфере торговли. Например, Алмаз, владелец двух магазинов в селе, приехал в Яр-Сале в 2001 г. Его сестра иммигрировала на Ямал еще раньше. Сейчас Алмаз работает в вещевом магазине, недавно открыл во вновь построенном районе села продуктовый магазин, где торгуют его родственники. Любопытно, что оба магазина называются «Алмаз». Киргизы торгуют одеждой с вещевых рынков Москвы, привозят они и ткани из Киргизии. Алмаз уже знает, какие именно ткани пользуются популярностью среди ненцев, какие среди хантов, и уже под заказ везет нужный материал из Киргизии, который используется в чуме, из которого местные шьют одежду. Сам лидер киргизской общины, тоже по имени Алмаз, приехал на Ямал в 2003 г. Какое-то время он работал строителем в Лабытнангах, Панаевске, Новом Порту, пока не поселился окончательно в Яр-Сале. Сейчас Алмаз работает заместителем директора по хозяйству всех домов культуры Ямальского района, также он возглавляет яр-салинскую мусульманскую общину.

Большую часть киргизских мигрантов составляют не семьи, занятые в торговле или других сферах, предполагающих постоянную работу, а сезонные строители. Киргизы приезжают в Яр-Сале в июне и работают до ноября–декабря. В поселке насчитывается порядка десяти киргизских бригад, которые трудятся на различных строительных объектах – в основном они возводят многоквартирные жилые дома. Бригадирями работают чаще всего киргизы – некоторые из тех, кто живет в поселке постоянно. Строители трудятся шесть дней в неделю с восьми утра до восьми вечера с часовым перерывом на обед. Живут они на съемных квартирах по 10–15 человек в каждой. Часто приезжают строить отец, взрослые сыновья, члены одной семьи – так в бригаде около половины строителей могут оказаться родственниками. Практически все приезжающие строители имеют уже богатый миграционный трудовой опыт в России. Иногда, чтобы не тратить лишние деньги на дорогу до Киргизии, строители уезжают на январь–май в Москву, где устраиваются работать кассирами, грузчиками, курьерами, таксистами, а в июне опять возвращаются в Яр-Сале. Бывает, что строители переходят из одной

бригады в другую или, не дождавшись окончания строительного сезона, покидают Ямал. Все конфликты, возникающие между киргизами, киргизами и администрацией или киргизами и местными, пытаются уладить лидер общины и их земляки, живущие в поселке постоянно. Они выполняют функции своеобразного адаптационного института.

Мусульманское пространство. Миграция этнических мусульман на территорию Ямала началась еще в довоенное время. На Север ехали тобольские татары, на Ямал ссылали татарских кулаков и представителей национальной интеллигенции. Татары наряду с русскими, ненцами и украинцами участвовали в строительстве поселков Ямала, работали в интернатах, больницах и магазинах, были одной из доминирующих этнических групп в городах и поселениях района. В советский период в Яр-Сале ислам среди сибирских татар имел семейный характер. Мужчины иногда тайно собирались совершить намаз, отдельные верующие держали пост. Мусульман, знающих Коран, семьи приглашали прочитать поминальную молитву. В 1990-е гг. кто-то из татар привез в Яр-Сале запись мусульманской поминальной молитвы на магнитофоне. Кассету включали на поминки и похороны. Популярность кассеты в 1990-е гг. свидетельствует о том, что к тому времени уже практически никто из татар не умел читать молитву.

Согласно данным за 2016 г., татар в Яр-Сале больше, чем всех остальных этнических мусульман вместе взятых. Однако публичное мусульманское пространство села определяют не татарские старожилы, а новые мигранты, многие из которых отличаются религиозностью и приверженностью традиции. Джума-намаз проходит в каждую пятницу в танцевальном классе местного дома культуры. Имамом выступает заведующий хозяйственной частью домов культуры Ямальского района киргиз Алмаз. Иногда *хутбу* (проповедь) читает карачаевец Марат. Ни тот, ни другой не имеют религиозного образования. До Алмаза имамы часто сменялись – это были как местные жители, которые потом уезжали, так и назначенные муфтием ЯНАО приезжие. На джума-намаз приходят от 10 до 15 мужчин. Пятничный намаз не посещают местные татары, а также строители, у которых время обеда не совпадает со временем молитвы. Некоторые строители, по их рассказам, предпочитают совершать коллективный намаз отдельно на стройплощадке своим узким кругом. Большую часть читающих намаз в доме культуры составляют киргизы и представители народов Северного Кавказа, занятые в торговле или в других сферах, предполагающих гибкость графика. На Курбан-байрам и Ураза-байрам приходят до 100 и более человек, в том числе и местные пожилые татары. Проблему с халяльным мясом местные мусульмане решают сообща. Отдельные семьи, в основном торговцы, привозят национальную еду, в том числе и халяльное мясо, из Москвы или своих регионов. Иногда люди объединяются, скидывают-

ся, покупают корову на местной ферме или оленя у ненцев и забивают животное по мусульманским обычаям. Некоторые заказывают халяль из Салехарда, где с недавних пор открыт мусульманский продуктовый магазин. В Салехард к Курбан-байраму отдельные предприниматели привозят мясо из Омской, Костромской областей и Екатеринбурга. Недавно один татарин начал создавать ферму по разведению баранов в Салехарде.

Доминирование выходцев из республик Северного Кавказа и стран Средней Азии в мусульманском пространстве Севера сказалось на религиозном сознании и повседневных практиках местных татарских старожилов. Последние начали приглашать мигрантов к себе домой прочитать молитву. Недавно приехавшие из мусульманских регионов испытывают удивление, столкнувшись с секуляризацией и русифицированностью местных татар.

«Местные татары даже имена свои меняют, они боятся своих имен. “Я Рома”, – говорит мне один. Как Рома? Ну, скажи нормально свое имя – Рамиль. “Не не, я Рома”. Татары и на намаз к нам не ходят» (М., 1960-е г.г., киргиз, на Ямале с 2003 г.).

Степень религиозной интенсивности среди мигрантов значительно варьирует. Большая часть считает себя мусульманами, однако не соблюдает все обязательные пять столпов ислама. Некоторые практикующие мусульмане, с которыми я общался, не ходят на пятничные молитвы в дом культуры не по причине занятости или секуляризации, а ввиду недоверия имаму.

«Я не уверен, что Алмаз, как имам, может руководить. У него не хватает образования. Был таджик, который учился в Пакистане, он умел все делать, все знал. Имам должен знать все правильно. На такси работает парень сейчас здесь, у него в роду все муллы. Он знает и соблюдает все мусульманские законы. Алмаз не соблюдает. Он не может даже правильно молитву прочитать» (М., 1960-е г.г., таджик, на Ямале с 2000-х гг.).

Некоторые мусульмане мне говорили, что им неприятно совершать намаз в танцевальном классе, где по выходным проходят дискотеки.

Особенного внимания заслуживает проблема времени чтения намаза в циркумполярном регионе. Здесь проявляется также вариативность. Некоторые мигранты-мусульмане в Яр-Сале совершают намаз (и соответственно держат уразу) по салехардскому времени, другие – по тюменскому, а есть и те, которые ведут религиозную жизнь по мекканскому времени.

Калмыки. Первые калмыки появились на территории ЯНАО в 1930–1940-е гг. Это были семьи ссыльных и депортированных. За последние двадцать лет миграция калмыков в северные регионы страны приняла масштабные размеры. Главная причина сокращения населения

Калмыкии – миграционный отток (Волгин 2007: 328). Когда я проводил полевые исследования на Чукотке в 2011–2012 гг., в каждом из национальных сел жили калмыцкие семьи. Люди были задействованы в сферах образования и медицины, служили пограничниками, работали в полиции, несколько калмыков танцевали в национальном чукотском ансамбле «Эргырон».

«Раньше калмыков депортировали на Север, а теперь они сами все рвутся сюда. Мне кажется, наверное, четверть всех калмыков на Севере живут, даже есть те, которые в Салехарде родились и ни разу в Калмыкии не были. А им некуда ехать, все их родственники на Севере» (М., 1986 г.р., калмык, на Ямале с 2012 г.).

Согласно данным сельского совета, в Яр-Сале проживают 82 калмыка. Все взрослые калмыки трудоустроены и занимают хорошие должности по поселковым меркам: глава Многофункционального центра предоставления государственных услуг, начальник призыва в военкомате, заместитель местной управляющей компании, хореограф дома культуры. Калмыки работают в больнице, коммерческом секторе, одно время калмык был начальником полиции. При доме культуры действует бесплатный кружок калмыцкого танца для местных калмыцких детей. Во многих домах люди установили буддистские алтари, семьи иногда ездят вместе в тундру, чтобы совершить ритуал подношения огню, отмечают калмыцкие праздники, время от времени собираются диаспорой. Современная калмыцкая миграция на Ямал семейная – едут в основном уже женатые дипломированные специалисты с детьми. Калмыцкая миграция отличается динамичностью, единственное, что держит калмыков на Ямале, – это работа. Поэтому если люди теряют место или получают более выгодное предложение, то они готовы переехать. По словам одного информанта, с 2012 г. уехали три калмыцкие семьи и прибыли шесть новых.

Социальное, этническое, религиозное и правовое разнообразие новых приезжих, а также вариативность их миграционного опыта – эти факторы создают определенные трудности для построения обобщений. Выше я остановился на кратком описании самых многочисленных и заметных новых этнических групп мигрантов – представителей народов Северного Кавказа, киргизов и калмыков. Всех новых мигрантов можно условно разделить на временных и постоянных. Однако, например, среднеазиатские строители, которых я условно отношу к временным, могут приезжать раз в год в течение десяти лет на период строительного сезона, потом уезжать в Москву или другие российские города, устанавливая на Ямале личные связи, но появляться в селе эпизодически. Подобные регулярные миграционные практики строителей из Средней Азии не являются редкостью. В свою очередь, калмыцкие врачи или карачаевские торговцы, имеющие в селе постоянную работу,

могут, прожив лет пять на Ямале, вернуться на родину. Для современной миграционной ситуации на Ямале характерна вариативная динамика. Никто из моих информантов не предполагает остаться в Яр-Сале на всю жизнь. Продолжительность пребывания в поселке зависит от многих факторов, в том числе от свойственного той или иной этнической группе миграционного ритма – совокупности правовых, социальных, экономических и культурных условий, определяющих миграционную динамику общности. Ни выходцы из республик Северного Кавказа, ни калмыки, ни восточнославянские народы не являются сезонными мигрантами в поселках и городах ЯНАО. Они переезжают чаще всего с детьми и нацелены на долгосрочное пребывание на Севере. Среднеазиатские мигранты в своем большинстве не могут остаться на неопределенный срок на Ямале. Как по правовым причинам, так и по личным – у многих из мужчин в Средней Азии остаются семьи (жена, дети, престарелые родители, братья и сестры), которых они должны содержать.

Север отличается труднодоступностью и не является такой очевидной миграционной локацией с разнообразием вакансий, как, например, Москва или Санкт-Петербург. Новые мигранты связаны с уже живущими на Севере земляками. Для поселков ЯНАО характерна саморегуляция миграции. Чаще всего новые мигранты приезжают на Север через знакомых, родственников или односельчан, которые могут обеспечить их работой, помочь обустроиться. Если тот или иной сезонный мигрант не сумел установить добрые отношения с диаспорой, то бригадиры или другие работодатели из числа новых мигрантов могут не позвать его на следующий год.

Мигрантские общины Севера ввиду своей малочисленности и тесных горизонтальных связей отличаются высоким потенциалом взаимопомощи. Такие крупные и консолидированные диаспоры, как северокавказская и киргизская, располагают общими материальными ресурсами, которые могут быть использованы в случае болезни или смерти земляка, чтобы отправить тело на родину. Деньги иногда идут также на помощь в обустройстве на новом месте. Киргизы Яр-Сале, например, скидываются ежемесячно по сто рублей в общий фонд, карачаевцы и ногойцы жертвуют деньги по ситуации на конкретные нужды. Взаимопомощь проявляется в сплачивании во время конфликтов.

«Бывали часто раньше конфликты с местными. Я сижу в охране администрации, все местные приезжают с тундры, магазинов нет в тундре, они сразу пить начинают. Они не дело делают сначала, а выпивают. А я не могу их пускать. Угрожают, говорят, поймают. Я им говорю: “В 9 часов сменяюсь, подходи, там поговорим”. Никого не видел. Я звоню своим калмыкам, они все проснутся, соберутся, помогут». (М., 1980-е г.г., калмык, на Ямале с 2010-х гг.).

Мигранты не теряют связи с родиной. Эта связь проявляется как в регулярных поездках домой, отправке детей на лето к родственникам,

так и в повседневных практиках уже в иммиграции на Ямале. Мое полевое исследование проходило в октябре–ноябре в преддверии Форума дружбы народов. Татары, русские, украинцы, калмыки, народы Северного Кавказа, киргизы и, конечно, ненцы готовили танцевальные и вокальные выступления. Миграция актуализирует этническую идентичность, побуждает приезжих к перформативным культурным проявлениям. Многие до приезда на Ямал никогда не занимались национальным танцем, да и в целом не выступали перед публикой. Пребывание в иноэтничном и инорелигиозном окружении оказывает влияние и на религиозные практики мигрантов. Если одни пренебрегают мусульманскими практиками, то другие, напротив, интенсифицируют свою религиозную жизнь: начинают совершать намаз, социализируются в мусульманской среде, преодолевают непривычные трудности, чтобы достать халяльное мясо.

Взаимоотношения новых мигрантов с коренным населением

Большую часть населения Ямальского района составляют представители коренных народов – это 11,5 тыс. чел. из 16 412 жителей района на 2014 г. (Головнёв 2014: 16). Согласно данным сельского совета на начало 2016 г., в Яр-Сале, Сюнай-Сале и прилегающей тундре зарегистрированы 5 325 представителей коренных народов, подавляющее большинство которых (5 206 чел.) ненцы. Общая численность населения Яр-Сале, Сюнай-Сале и прилегающей тундры составила 7 881 чел.

Русское, татарское и украинское присутствие на Ямале воспринимается сейчас коренным населением как само собой разумеющееся явление, несмотря на имеющий место оттенок обиды за советизацию, свойственный в той или иной степени всей аборигенной Сибири. Следует отметить, что национализм, безусловно, присутствующий в Арктике, имеет свои особенности в этом регионе. Если антирусские настроения и проявляются представителями коренного населения Севера, то они имеют скрытый и слабо выраженный характер. Основные претензии имеют либо социальный характер (например, недовольство активным промышленным освоением, идущим в разрез с потребностями традиционного природопользования), либо касаются советского прошлого, ассоциирующегося, помимо прочего, с русификацией и довольно грубой модернизацией. Миграционная динамика постсоветского периода стала определенным вызовом коренному населению, ранее не знакомому с кавказским или среднеазиатским присутствием в регионе. Отношение ненцев к приезжим вариативно, зависит от ситуации, личного опыта и социальной позиции конкретного мигранта в поселке. Иногда мигрантофобские настроения ограничиваются ксенофобскими высказываниями, но бывает, что и выливаются в открытые конфликты. Име-

ют место как равнодушное отношение к мигрантам, так и уважение к приезжим, интерес к ним и к их культуре. Ненцы нередко дружат с новыми приезжими, появляются смешанные семьи.

«Они отнимают нашу работу». Социальное неблагополучие региона и, в первую очередь, весь классический спектр проблем, с которыми сталкивается коренное население, оказываются плодородной почвой для мигрантофобии. Такие проблемы, как алкоголизм, безработица, дискриминация, высокий уровень суицидов, насильственная смерть, отъезд в города, социальная дезадаптация молодежи, являются неотъемлемой частью жизни современной Арктики. Самая распространенная претензия к мигрантам заключается в том, что они «забирают» рабочие места.

Почти половина трудоспособного населения, зарегистрированного в Яр-Сале и Ярсалянской тундре, кочует с оленями. Остальные живут в поселке. Безусловно, поселковые и тундровые ненцы находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, зачастую одна часть семьи живет в поселке, другая кочует в тундре. Между поселком и тундрой существует трудовая динамика – поселковый может примкнуть к стойбищу родственников, тундровой может переехать жить в поселок. Несмотря на взаимопроницаемость этих пространств и социальный континуум тундровиков и поселковых (Лярская 2016: 58), эти две группы коренного населения имеют различные потребности и сталкиваются с разными трудностями.

Главная проблема поселковых ненцев – безработица. Представителей коренных народов практически не берут на работу в нефтегазовые компании. Вне традиционных отраслей ненцы и ханты заняты преимущественно в образовании и здравоохранении. В поселке живет национальная интеллигенция, представители коренных народов работают в администрации, школе, интернате, больнице. Часто ненцы и ханты занимают должности, не требующие квалификации и образования (Российская Арктика... 2016: 109). Те же коренные, которые получают высшее образование в городах, не всегда стремятся вернуться в родной поселок. Торговая сфера практически полностью занята новыми мигрантами, в больницах ненцы работают в основном санитарками и уборщицами. Наиболее уязвимой категорией на рынке труда в Арктике оказываются молодые аборигенные мужчины. Если женщины могут найти себе применение в подсобном занятии, в образовательной или медицинской сфере, то перед мужчиной открывается не так много вакансий. Ненцы практически не задействованы в сфере строительства. Строительный бум, начавшийся в Арктике более десяти лет назад, мог бы обеспечить работой немало местных. Однако строительные компании предпочитают не брать на работу коренных. Одна из основных причин заключается в том, что ненцы не выдерживают, да и сами не соглашаются на жесткий график с восьми утра до восьми вечера еже-

дневно, кроме воскресенья, с часовым обедом. Существует план сдачи объектов, который не может быть нарушен, в особенности, когда строительный сезон длится только полгода. К тому же, большая часть киргизских и армянских мигрантов уже имеет строительный опыт. Отсутствие опыта, жесткость графика, предубеждения работодателя против коренных (склонность к пьянству, лень, недисциплинированность), а также нежелание работодателя нанимать российских граждан и соответственно платить больше – все эти факторы создают ситуацию, когда в строительстве, одной из самых развивающихся отраслей экономики Ямала, задействованы в основном иностранные сезонные мигранты, а ненецкие поселковые мужчины остаются без работы. Подобное положение дел провоцирует антимигрантские настроения в обществе.

«Им всем квартиры дают». Жилищная проблема является одной из самых острых и волнительных для коренного населения. На 2011 г. в Ямальском районе зафиксированы 1 173 семьи, нуждающиеся в обеспечении жильем (Российская Арктика... 2016: 117).

«У меня просто зависть. Я не могу на машине ездить, а они почему-то на машинах ездят, им всем квартиры дают. Моя жена, у нее трое детей, она не может квартиру получить. Они получают квартиру, продают тут же её и уезжают» (М., 1988 г.р., ненец).

Действительно, некоторые мигрантские семьи удерживает в Яр-Сале в первую очередь возможность получить квартиру, которую они потом намереваются продать и уехать из поселка. Молодые ненецкие семьи часто вынуждены жить вместе с родителями в перенаселенных условиях. Тем не менее жилищные условия многих мигрантов также далеки от идеальных.

«В сельсовете я как-то за справкой стояла. И там еще человек десять стояло, наверное. И мужчина решил пройти без очереди. Я ему сказала: “Все в очереди стоят, встаньте в очередь”. Он мне сказал: “Вы приехали, с квартирами уже, а я многодетный, у меня дома нету”. Я ему сказала: “У меня муж местный, я тоже без квартиры, так, что я должна без очереди что ли идти?”. Дом, в котором мы живем, построен раньше, чем Кугаевский (глава Ямальского района. – Д.О.) родился» (Ж., 1970-е г.р., осетинка, на Ямале с 2010 г., замужем за местным метисом).

Отношение мигрантов к коренному населению. Неоднозначно и отношение мигрантов к ненцам и в целом к той социокультурной и природной среде, в которой они оказались. Многие из приезжих имеют богатый миграционный опыт, часто люди, живущие теперь на Ямале, выросли в городах Нальчик, Элиста, Бишкек, Ош, Ереван. Некоторые из них учились в Москве или Петербурге. Изолированность арктического поселка, его труднодоступность, бедность общественного пространства тяготят мигрантов.

«У меня было ощущение, что я на остров попал. Чем дольше я здесь живу, тем больше давит это место на меня. Никуда не могу выехать,

выбраться очень тяжело, нужно стоять в аэропорту, ночевать, стоять за этими билетами. В городе больше возможностей, больше перспектив. Хочешь посидеть в ресторане в Яр-Сале, как минимум 2 000 с человека отдашь» (М., 1980-е г.г., калмык, на Ямале с 2010-х гг.).

Многие из мигрантов, с которыми я говорил, не имеют практически никаких контактов с местным населением. Как по причине большой занятости, напряженной работы и закрытости в своей семье, так и по причине того, что не могут найти с ними общий язык. Осуждение алкоголизма, беспорядочной половой жизни, неряшливости коренного населения – темы, которые некоторые мигранты затрагивали в интервью. «Пороки» отдельных ненцев вызывают наибольшее возмущение у кавказских женщин, не имеющих, в отличие, например, от калмыков и киргизов, опыта жизни в Москве или Петербурге, ранее никогда не выезжавших за пределы национальных республик.

«Я общаюсь с ненками, но не близко, у меня нет друзей ненки. Я их не понимаю. Если помотришь, как они живут, это ужасно. Они пьют, спят с разными мужчинами, а потом ходят разукрашенные кровью и синяками. У них нет стоп. Государство им все делает, жилье дает, помотришь на их квартиры: двери разбиты, стекла разбиты, все перебито» (Ж., 1970-е г.г., балкарка, на Ямале с начала 2000-х гг.).

«Там, где сейчас столовая “Жар-Птица”, раньше была дискотека. У нас не положено сидеть с парнем, обниматься, целоваться, ты можешь сделать замечание. А тут это приветствуется. Я была в шоке, когда увидела и, конечно, сделала замечание. Меня не очень-то похвалили за это» (Ж., 1980-е г.г., ногойка, на Ямале с 2010-х гг.).

«Я только что приехала сюда. Едем с мужем на машине по поселку. Видим – женщина стоит, ненка в маечке возле дороги, дождь, холод, она стоит не двигается. Я кричу ему: “Останови, она замерзнет”. Он говорит: “Успокойся, здесь на каждом шагу такие”. Мы поехали в гости, через полчаса едем мимо, она все равно стоит. Как замороженная» (Ж., 1970-е г.г., балкарка, на Ямале с 2016 г.).

Помимо пренебрежения, многие мигранты испытывают уважение к коренному населению, интерес к аборигенной культуре. Далеко не все относится к пьянству как к безусловному пороку. Приезжие жалеют потерявшихся людей, пытаются им помочь, я слышал истории о том, что иногда мигранты даже скидываются и покупают продукты местным неблагополучным семьям. Приезжие со временем начинают понимать специфику региона, видеть красоту тундры. В своем сознании они делят ненцев на поселковых и тундровых. Последних практически все уважают за их традиционность и трудолюбие. Личный опыт определяет отношение к ненцам. Известна история, как тундровики помогли одной ногойской семье. Ногойцы поехали на лодке рыбачить и собирать ягоды в тундру. На обратном пути лодка сломалась, и люди набрали на

стойбище, где их покормили, напоили чаем, дали в дорогу ягод, мужчины починили лодку.

Культурная и природная специфика региона, в котором оказались мигранты, составляет часть их личного опыта, констатирует их личную победу над трудностями – они сумели адаптироваться, они познакомились с совершенно другим образом жизни и иной культурой. Бытовые трудности и внешняя экзотика Яр-Сале, проявляющаяся, когда ненцы приезжают на оленьих упряжках в национальной одежде в село, добавляли определенный интерес к жизни на Ямале, насыщали жизнь мигранта новыми впечатлениями.

«Раньше на улицу выходили и видели мы в основном местных людей. Сейчас я их не вижу. Вижу приезжих – карачаевцы, киргизы. Раньше на улицу выходили, люди в малицах ходили, и сразу было видно, где я нахожусь. Раньше мне нравился Яр-Сале, а теперь нет. Тогда не было дорог, не было воды из-под крана, текла ржавая с керосином и маслом, продукты редко привозили, хлеб было невозможно есть. И вот от этого раньше было интереснее» (Ж., 1970-е гг., осетинка).

Практически никто из новых мигрантов не был в стойбищах. За исключением приезжих, женатых на местных ненках и посещавших тещу с тестем. Для новых мигрантов знаковым событием является День оленевода. Во время праздника они впервые имеют возможность посетить чум, познакомиться с тундровыми ненцами, хотя и на время, но стать частью иной жизни села, почувствовать свою принадлежность к новому месту проживания.

«С тундровиками я общаюсь. На День оленевода я участвовал в национальных видах спорта всегда, выигрывал, все тундровики меня знают, по телевидению меня показывали, в газете даже обо мне писали» (М., 1986 г.р., карачаевец, на Ямале с 2008 г.).

Межэтнические конфликты. Еще недавно в селе время от времени вспыхивали конфликты между местными и приезжими. Конфликты разрешались на следующий день примирением сторон, однако сам факт коллективной драки, мобилизации разных этнических и социальных групп села против друг друга, свидетельствует о напряженности, вызванной миграцией, взаимном непонимании и глубоких социальных проблемах, которые не решены до сих пор.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. новую школу в селе стояли турецкие рабочие. По рассказам очевидцев, конфликт вспыхнул из-за того, что один ненец попросил турка прикурить, тот его не понял и началась драка. Это был самый масштабный межэтнический конфликт на памяти жителей села. Одному турку даже прострелили руку. Тогда в Яр-Сале было мало сотрудников правоохранительных органов, и, осознавая невозможность успокоить толпы молодых людей, они на несколько часов отключили электричество в селе.

В 2000-е гг. в Яр-Сале сложилась группировка, которую называли «берлинцы». Она состояла из местных поселковых ненцев, русских и татар. Молодые ребята ходили по поселку, «зиговали», кричали «Киргизы вон!». Время от времени вспыхивали драки с киргизскими строителями. «Берлинцами» эту агрессивно настроенную группу людей называли в связи с тем, что они проживали в бараках в неблагополучном районе села, именовавшемся местными тогда «Западный Берлин».

«Была война друг с другом. Тут была банда “берлинцев”. Они мочили всех подряд, били приезжих. Они потом запили все и распались. У нас сплоченности нет, поэтому они (мигранты. – Д. О.) здесь свободно ходят. Вломились на квартиру как-то. У нас пацан сказал, что его побили киргизы. Мы собрали пацанов, ввалились к ним на хату. Хотели сначала нормально поговорить, а они не стали, кулаки начали распускать. Потом начали они стульями кидаться, табуретками, столами. У нас такая толпа – не пройти, не проехать. И они выкидывают все в нашу сторону. Мы пьяными были. Всем на пьяную голову подражаться надо. Потом их женщины, дети начали заступаться, кричать, защищать их. Мы же не настолько долбоебы, чтобы женщин, детей бить. Разошлись. Потом на следующий день встретились, мирно все порешали, они прощения попросили у пацана. Я так и не понял из-за чего был конфликт на самом деле» (Ненец, остальные характеристики информанта не указываются по этическим причинам).

В Яр-Сале больше нет националистических группировок, и серьезные многочисленные конфликты относительно давно не случались. Тем не менее практический каждый мигрант-мужчина может поделиться историей с дракой, произошедшей с ним на Ямале.

«В 2014 году в Яр Сале я выхожу из дома, иду в магазин. И местные подходят ко мне: “Ты куда?”. “В смысле? В магазин”. И один ударил меня. Я отступил назад и убежал. Два ненца и один русский. Я просто дальше драться не хотел. Я приезжий, не местный. И потом я звонил ребятам нашим, переоделся в спортивную одежду. А мне из наших никто не ответил, оказывается, они дрались в этот момент. На следующий день местные пришли и извинились. Чего там? По пьяни, наверное» (М., 1990 г.р., киргиз, на Ямале с 2014 г.).

Межэтнические браки. За последние годы появилось немало межэтнических союзов, как зарегистрированных, так и неофициальных. В большинстве случаев ненки выходят замуж за приезжих. Русско-ненецкие или татарско-ненецкие браки не были редкостью на Ямале в советское время. В 1990-е гг. появились уже ненецко-киргизские, ненецко-азербайджанские и другие межэтнические союзы. Согласно исследованию, проведенному в 2012 г. С.Е. Сэрпиво, наибольшее число смешанных браков наблюдалось в Ямальском районе – 24 из 121 семейной пары (Сэрпиво 2016: 107). В Яр-Сале немало метисов, живущих

зачастую в неполных семьях – отец оставил мать с ребенком или даже не подозревает о сыне или дочери. Если среди взрослого населения можно часто встретить русско-ненецких метисов, то среди школьников есть киргизско-ненецкие и турецко-ненецкие дети. Немало детей, имеющих ненецкую фамилию матери и мусульманские имя и отчество отца (табл. 2).

Таблица 2

**Зарегистрированные межэтнические браки в Ямальском районе
с 1997 по октябрь 2016 г.**

Год	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Супруги	Узб-н	Аз-н Гр-н Тат-н Н-р Н-р	М-н Укр-н Укр-н	Укр-н Аз-н	К-н	Укр-н М-н Б-н Укр-н	К-н К-н		Укр-н	К-н Мар-н Укр-н Т-х К-н К-н Б-н
Общее число браков	94	83	70	92	114	131	113	134	110	131

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Супруги	Укр-н М-н М-н М-н	М-н К-н		М-н Б-н М-н Узб-н Укр-н	Т-н Т-н	М-н М-н Укр-н К-н К-н Т-н	М-н	Укр-н М-н К-н Укр-н	Т-н Т-н	Т-н Молд-х Каз-н Бел-н М-н
Общее число браков	121	135	151	141	116	128	112	108	99	77

Примечания. Данные предоставлены ЗАГСом в Яр-Сале. Указаны лишь браки, заключенные между представителями коренных народов и иностранными гражданами. Таким образом, эта статистика не учитывает ненецко-татарские браки или ненецко-русские, а также браки между киргизом, гражданином России, и ненкой. Первым указывается супруг, за ним через дефис – супруга. Курсивом отмечены разводы. В последней строке указано общее количество зарегистрированных в определенный год браков. Пояснения: узб – узбек, н – ненка или ненец, аз – азербайджанец, гр – грузин, тат – татарин, р – русский или русская, м – молдаванин, укр – украинец, к – киргиз, б – белорус, т – таджик, каз – казах, х – ханты.

Отношение в селе к межэтническим бракам разное. Существуют очевидные проблемы. Часто такие браки оказываются непрочными – муж бросает жену или его депортируют, он уезжает к своей второй семье, находящейся в Средней Азии. Был случай, когда мужчина, вернувшийся на время на родину, был вынужден жениться на местной девушке по настоянию родителей. Его первая жена ненка, узнав о случившемся, отправилась за мужем в Таджикистан, заставила его разве-

стись и вернулась с ним в Яр-Сале. После развода или депортации мужа у матери появляются проблемы с вывозом детей даже в Салехард без официального разрешения отца, которое бывает трудно получить. Многие в селе считают, что такие браки заключаются мужчинами исключительно ради российского гражданства.

Однако есть и благополучные межэтнические союзы – как зарегистрированные, так и неофициальные. В Яр-Сале живет киргизско-ненецкая семья. Муж приехал из Киргизии впервые в 2002 г. в Салехард на стройку. С 2006 г. он живет в Яр-Сале. Его жена ненка происходит из семьи тундровиков. В течение трех лет после замужества она жила в Киргизии, выучила язык, работала там в детском саду. Ее дети также говорят на киргизском языке, однако дома все общаются в основном по-русски. Любопытно, что в Яр-Сале решил вернуться ее муж, она же предпочла бы остаться в Киргизии. Дети в таких семьях носят мусульманские имена, на лето выезжают не в тундру к родственникам, а к родителям мужа в Таджикистан или Киргизию.

Показательна история одной калмыцко-ненецкой семьи, несколько лет назад выигравшей в ямальском конкурсе «Семья года». Они сняли ролик, в котором супруг калмык в своем национальном костюме предлагает ненке, одетой в ненецкую ягушку, выйти за него замуж. Она соглашается, снимает ягушку и оказывается в женском калмыцком наряде.

Среди части молодых ненок существует установка на брак с «русским» – с любым представителем некоренных народов. Такая позиция продиктована нежеланием жить в тундре, стремлением выехать с Севера, страхом перед бедностью и возможным пьянством мужа. Тенденция аборигенных женщин выходить замуж не за коренных уходит корнями в советское время и связана с сформировавшимися в послевоенное время представлениями о престиже и благополучии.

Ислам и коренные народы. Тема ислама и коренных народов Сибири не разработана этнологами. Если ненцы имеют давние и тесные контакты с православием и даже с евангельскими течениями, то ненцев-мусульман единицы. Мусульманское присутствие на Ямале становится все заметнее, и не только в городах, но и в сельской местности. В магазинах Яр-Сале продают халляльные продукты (пельмени, курицу), летом можно видеть мужчин в майках с изображением полумесяца, все знают, что джума-намаз регулярно совершается в доме культуры. Поселковые ненцы наблюдают расширяющееся мусульманское пространство, заводят друзей среди этнических мусульман. Таким образом, ислам в любом случае в той или иной степени является составляющей меняющегося социокультурного пространства села. Однако непосредственный близкий контакт с мусульманской традицией для коренных редок. Если ненки и выходят замуж за этнических мусульман, они чаще всего не принимают ислам, так как на этом не настаивают их мужья.

В некоторых случаях муж просит новую супругу совершить вместе *ни-ках* (бракосочетание по мусульманским нормам), что предполагает прочтение ею *шахады* (свидетельство о вере в Единого Бога, главное условие принятия ислама). Но даже и после ритуального обращения в ислам супруга не становится практикующей мусульманкой. Имам мечети в Салехарде рассказывал о нескольких ненках, принявших за последние годы ислам. Одна из них решила стать мусульманкой самостоятельно, начала читать книги. По рассказам имама, ее интерес к религии зародился, когда она шла мимо мечети в Салехарде и услышала *азан* (призыв к молитве).

В мусульманской общине Салехарда и поселения Аксарка стал известен ненец, принявший год назад ислам (имя не называется по этическим причинам). Он является действительно практикующим мусульманином, прошел процедуру обрезания у местного киргизского хирурга, уже в течение года совершает пятикратный намаз, держит пост, старается по пятницам выезжать из Аксарки в мечеть Салехарда. Несмотря на сложности, с которыми сталкивается этот неопит (например, допросы ФСБ или сомнения жены-хантыйки), ненец продолжает придерживаться мусульманских практик. Его привлекает сплоченность мусульман. У человека появились новые друзья, устойчивый круг общения, наставник в лице имама. С местными мусульманами он ходит на *ифтар* (разговение во время месяца Рамадан), обсуждает религиозные вопросы, ездит в мечеть Салехарда.

Заключение

Для современного населения Ямала характерен плюрализм. И в данном случае речь идет не только об этническом разнообразии, гетерогенно и само ненецкое общество. Социальные границы существуют между интернатскими и поселковыми детьми, ярсалинскими ненцами и ненцами, приехавшими из других сел в административный центр, между тундровыми и поселковыми, национальной интеллигенцией и сельской маргинальной беднотой. Социальный плюрализм коренится в разнообразии образа жизни, семейного бэкграунда, личного опыта, сферы труда. В данном контексте такие категории, как «свой» / «чужой», перестают быть этнически маркированными. Многие из новых мигрантов становятся со временем «своими» для местного населения.

«Я в Яр-Сале начал торговать телефонами на рынке. И звучало: “Черножопый”. Сталкивался с такими моментами. У меня были и конфликты с ненцами. Толпой молодые ребята приходили, говорили: “Это наша земля! Что приехал?”. Цепляться начинали. Сейчас уже такого нет. Сейчас меня все знают, мы понимаем друг друга» (М., 1986 г.р., карачаевец, на Ямале с 2008 г.).

Скорость перехода из категории «чужой» в категорию «свой», степень проницаемости этой границы зависят от многих факторов, в том числе и от интенсивности взаимодействия с жителями села, от продолжительности пребывания в одном поселке, от открытости нового мигранта, от его отношения к местному населению и в целом к месту проживания. Если приезжий «здесь всерьез и надолго», если он не относится к Ямалу потребительски, местные начинают ценить, замечать такого человека. И он тогда переходит в категорию «своих».

«Первый год вообще было тяжело, всерьез не воспринимали, как будто пустое место. Сейчас уже наладилось. Куда ни выхожу, все меня знают, знают, что я работаю хореографом» (М., 1986 г.р., калмык, на Ямале с 2012 г.).

Плюрализм образа жизни на современном Ямале легитимирует пребывание людей разного происхождения при условии их включенности в местную социальную среду. Этническая идентичность и идентификация индивида в рамках этничности оказываются тогда ситуативными и зачастую второстепенными, а на первый план выходит локальная идентичность (Набек 2005). Ненец, приехавший из Нового Порта в Яр-Сале, может оказаться в категории «чужих», тогда как киргиз, проживший в селе уже 15 лет, вырастивший здесь детей, будет отнесен к категории «своих».

Те социальные границы, которую зачастую существуют между ненцами из одного поселка, оказываются более стабильными и нерушимыми, чем социальные границы между «местными» и «приезжими», относящимися к разным этническим группам. Так, местный ненец, принявший ислам, перешел для многих в категорию «чужих», в то время, как приехавший этнический мусульманин имеет все возможности стать впоследствии «своим».

Примечания

¹ С 1991 г. три четверти населения Чукотки покинули округ – 157 528 чел. проживали на Чукотке в 1989 г., на 1 января 2016 г. численность населения составила 50 157 чел. Уехали в основном русские семьи (108 297 русских в 1989 г.; 25 068 – в 2010 г.).

Литература

- Волгин В.Л. Республика Калмыкия. «Угроза исчезновения уникального этноса» отсутствует // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М.: Наука, 2007. С. 328–335.
- Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014.
- Доклад о социально-экономической ситуации муниципального образования Ямальский район за 1 квартал 2016 года. Яр-Сале, 2016. URL: <http://mo-yamal.ru/economika/eco/1073.php> (дата обращения: 20.11.2016).

- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике и численности состава населения Москвы // Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009. С. 18–44.
- Змеева О.В., Разумова И.А. «Я решил здесь жить...»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2000-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5 (142). С. 13–17.
- Ляпская Е.В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...». Некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 54–70.
- Сэрпиво С.Е. Женское пространство в культуре ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2016.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Ярлыкапов А.А. Нефть и миграция ногайцев на Север // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 78–81.
- Habeck J.O. Dimensions of Identity // Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / Ed. E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. P. 9–26.
- Heleniak T., Holzlehner T., Khlinovskaya E. Der Grosse Exodus. Demographische Trends an Russlands nördlicher Peripherie // Osteuropa. 2011. 61. Jg., 203. S. 371–386.

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2016 г.

Oparin Dmitriy A.

‘LOCALS’ AND ‘NEWCOMERS’ IN YAMAL. SOCIAL BOUNDARIES AND VARIATIONS OF MIGRATION EXPERIENCE*

Abstract. Western Siberia and the entire circumpolar region have become an obvious migrant destination for newcomers from the European part of the country, the national republics, and Southern Siberia. Unlike the rest of Siberia, the oil- and gas-rich North is still a migration magnet for the whole of the former Soviet Union. The paper is dedicated to research into the contemporary social environment of the village Yar-Sale in Yamal. The research is focused on the migration experience of the recent newcomers and their relations with the aboriginal inhabitants. Special attention is paid to such notions as ‘local’/ ‘newly arrived’, ‘kin’/ ‘stranger’. I assume that these boundaries are flexible. A newcomer could become a local, and outsiders could become kin. Ethnic background and duration of stay in the region are not always crucial for this transition.

Keywords: migration, Yamal-Nenets autonomous region, Nenets, Islam in the North, migrants, xenophobia, inter-ethnic relationships

DOI: 10.17223/2312461X/14/6

* The article is written in the framework of the research project “‘The resource curse’ in circumpolar territories: Russian and international analysis and conflict settlement experience regarding non-renewable resources in areas of traditional settlement of aboriginal ethnic groups” supported by the Russian Science Foundation, grant # 15-18-00112.

References

- Volgin V.L. Respublika Kalmykiia. «Ugroza ischeznoveniia unikal'nogo etnosa» otsutstvuet [The Republic of Kalmykia. The unique ethnos is under no ‘threat of extinction’], *Etnokul'turnyi oblik Rossii. Perepis' 2002 goda* [The ethno-cultural facet of Russia. Census of the year 2002]. Moscow: Nauka, 2007, pp. 328–335.

- Golovnev A.V., Lezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Iu., Babenkova N.A. *Etnoekspertiza na lamale: nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia* [Ethnoinspection in Yamal: Nenets nomads' places and gas fields]. Ekaterinburg: AMB, 2014.
- Doklad o sotsial'no-ekonomicheskoi situatsii munitsipal'nogo obrazovaniia lamal'skii raion za I kvartal 2016 goda. Iar-Sale, 2016* [Report on the socio-economic situation in Yamal district in the first quarter of 2016, Yar-Sale, 2016]. Available at: <http://mo-yamal.ru/economika/eco/1073.php> (Accessed 20 November 2016).
- Zaionchkovskaia Zh.A., Mkrtchian N.V. Rol' migratsii v dinamike i chislennosti sostava naseleniia Moskvy, *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow]. Moscow: Tri kvadrata, 2009, pp. 18-44.
- Zmeeva O.V., Razumova I.A. «Ja reshil zdes' zhit'...»: adaptatsiia azerbaidzhantsev v zapoliarnom gorode v 2000-e gody ["I have decided to live here...": adaptation of Azerbaijanis in a polar city in the 2000s], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 5 (142), pp. 13-17.
- Liarskaia E.V. «Komu-to tozhe nado i v gorode zhit'...». Nekotorye osobennosti transformatsii sotsial'noi struktury nentsev lamala ["Somebody needs to live in the city, too...". Some peculiarities of transformation of the Yamal Nenets' social structure], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 1, pp. 54-70.
- Serpivo S.E. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture nentsev* [The female space in the Nenets culture]. St.-Petersburg: Istoricheskaiia illiustratsiia, 2016.
- Rossiiskaia Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie [The Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Moscow – St.-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016.
- Iarlykapov A.A. Neft' i migratsiia nogaitsev na Sever [Oil and migration of the Nogai people to the North], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 3, pp. 78-81.
- Habeck J.O. Dimensions of Identity, *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Ed. E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005, pp. 9-26.
- Heleniak T., Holzlehner T., Khlinovskaya E. Der Grosse Exodus. Demographische Trends an Russlands nördlicher Peripherie, *Osteuropa*, 2011, 61. Jg., 203, pp. 371-386.